

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.4

Модели государственного регулирования прав человека в цифровом пространстве

Болгов Радомир Викторович
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
 rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Еременков Александр Алексеевич
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st007794@spbu.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается деятельность государств в сфере соблюдения и защиты прав человека в цифровом пространстве. Анализируются модели государственного регулирования цифровых прав человека на примере России, Германии и Китая, а также приводится авторская типология. Метод институционального анализа применяется для изучения институтов в лице государств, регулирующих взаимоотношения в цифровом пространстве. Метод анализа документов позволяет исследовать содержание нормативно-правовых актов международного и национального уровня в области цифровых прав человека и информационной безопасности. Сравнительный метод применяется при сопоставлении моделей государственного регулирования в области цифровых прав человека. При помощи данного метода были выделены общие и различные характеристики моделей государственного регулирования России, Германии и Китая. Новизна исследования заключается в авторской типологизации моделей государственного регулирования цифровых прав человека на основе таких параметров, как строгость цензуры, конфиденциальность, минимизация вмешательства в цифровые права граждан, доступ к Интернету, слежка, мониторинг активности граждан. Авторы приходят к выводу, что Российская Федерация представляет собой пример смешанной модели государственного регулирования. В случае с Германией удалось определить либеральную модель государственного регулирования вопросов, связанных с цифровыми правами человека. Несмотря на активное участие Китая в международном диалоге по вопросам прав человека в цифровом пространстве, внутренняя политика направлена на строгий контроль со стороны правительства. Именно это является решающим обстоятельством в определении модели государственного регулирования Китая как авторитарной.*

Ключевые слова: права человека; цифровые права человека; институционально-правовые основы; международные организации; Интернет; цифровизация; цифровая экономика

Для цитирования: Болгов Р.В., Еременков А.А. Модели государственного регулирования прав человека в цифровом пространстве // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 3. С. 62–85. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.4

© Болгов Р.В., Еременков А.А., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.3.4

Models of State Regulation of Digital Human Rights

Radomir V. Bolgov ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ rbolgov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4663-8072>

Alexander A. Eremenkov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
st007794@spbu.ru

Abstract. *The article examines the activities of states in the field of compliance with and protection of human rights in the digital space. The models of state regulation of digital human rights are analyzed using the examples of Russia, Germany and China, and the author's typology is provided. The method of institutional analysis is used to study institutions represented by states that regulate relationships in the digital space. The method of document analysis allows us to study the content of international and national legal acts in the field of digital human rights and information security. The comparative method is used when comparing models of state regulation in the field of digital human rights. Using this method, common and different characteristics of the models of state regulation in Russia, Germany and China were identified. The novelty of the study lies in the author's typology of models of state regulation of human digital rights based on such parameters as the severity of censorship, confidentiality, minimization of interference in the digital rights of citizens, access to the Internet, surveillance, and monitoring of citizens' activities. The authors conclude that the Russian Federation is an example of a mixed model of state regulation. In the case of Germany, it was possible to determine a liberal model of state regulation of issues related to digital human rights. Despite China's active participation in the international dialogue on human rights in the digital space, domestic policy is aimed at strict control by the government. This is the decisive circumstance in defining the model of state regulation in China as authoritarian.*

Keywords: human rights; digital human rights; institutional and legal framework; international organizations; Internet; digitalization; digital economy

For citation: Bolgov, R.V., Eremenkov, A.A. Models of State Regulation of Digital Human Rights. *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 3. P. 62–85. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.4

© Bolgov, R.V., Eremenkov, A.A., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Введение

В перечне особых международных и национальных интересов важную позицию занимает обеспечение защиты прав человека в цифровом пространстве. Безусловно, нет никаких сомнений в том, что данные интересы подкреплены принципом свободного доступа к Интернету, который Организация Объединенных Наций (ООН) определяет как неотъемлемое право человека [1]. Большой набор острых и актуальных проблем в области реализации прав человека в информационном пространстве объясняется тем, что в процессе цифровой трансформации наблюдается низкий уровень ответственности участников. С одной стороны, частный сектор экономики зачастую прибегает к неправомерным способам сбора, хранения и распространения персональных данных, чем и дискриминирует пользователей Всемирной сети [2]. С другой стороны, государство прибегает к усиленным мерам контроля и охраны общественного порядка, что и создает противоречивые и неоднозначные ситуации в вопросах соблюдения цифровых прав человека [3] (в данной работе термины «цифровые права человека» и «права человека в цифровом пространстве» будут взаимозаменяемыми).

Цель и методы исследования

Цель статьи заключается в выявлении национальных моделей государственного регулирования цифровых прав человека на примере России, Китая и Германии. Выбор данных стран обусловлен существенными различиями между политическими системами и режимами, что гипотетически влияет на выбор государством модели регулирования цифровых прав человека. Все выбранные страны представляют собой ведущие державы, претендующие на глобальное или как минимум региональное влияние. В то же время количество примеров ограничено тремя, поскольку гипотетически два из них представляют собой противоположные полюса по Индексу демократии (Китай и Германия), тогда как третий (Россия) находится между ними. Новизна исследования заключается в авторской типологизации моделей государственного регулирования цифровых прав человека на основе таких параметров, как строгость цензуры, конфиденциальность, минимизация

вмешательства в цифровые права граждан, доступ к Интернету, слежка, мониторинг активности граждан.

При написании статьи были использованы следующие методы исследования. Метод институционального анализа применяется для изучения институтов в лице государств, регулирующих взаимоотношения в цифровом пространстве. Метод анализа документов позволяет исследовать содержание нормативно-правовых актов международного и национального уровня в области цифровых прав человека и информационной безопасности. Сравнительный метод применяется при сопоставлении моделей государственного регулирования в области цифровых прав человека. При помощи данного метода были рассмотрены модели государственного регулирования России, Германии и Китая, выделены в них общие и различные характеристики с целью дальнейшей типологии.

Обзор литературы

Сегодня в научной литературе разрабатываются новые подходы к исследованию цифровых прав человека. Н.В. Кравчук говорит о потенциальном смещении прав человека в цифровое пространство с сопутствующими этому процессу рисками. Он также приходит к заключению, что правовые нормы адаптируются к достижениям научно-технического прогресса слишком медленно, «а действующее право не способно адекватно регулировать ситуации, порожденные технологическими инновациями» [4, с. 184]. С ним соглашается Ю.А. Чернышова, которая говорит о необходимости разработки новых правил, специфичных для информационной эпохи. Она относит к цифровым правам человека следующее: «право на публикацию цифровых произведений, право на использование компьютеров и других электронных устройств» [5, с. 97]. Е.В. Алферова полагает, что основной вопрос сегодня в том, как можно достигнуть «баланса интересов и прав человека в цифровом пространстве» [6, с. 148]. Н.В. Варламова считает, что категория «цифровые права» должна быть отнесена к общепризнанным правам [7, с. 39]. Э.В. Талапина пишет, что «система прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации» [8, с. 133]. К цифровым правам она относит «право на доступ к Интернету, право на защиту от нежелательной информации, право на забвение» [8, с. 133].

Среди зарубежных исследований стоит выделить труды А. Busch, Р. Theiner, У. Breindl [9], Л. Hornuf, С. Mangold, У. Yang [10] и других. Попытки сравнительных исследований предпринимались ранее, в частности, в работе D. Youvan [11], где проводится сравнение России и Китая по одному из аспектов рассматриваемой нами тематики (регулирование Интернета). К. Varbesino [12] проводит сравнительный анализ политики четырех стран (США, Китай, Россия и Германия) в отношении цифровых прав человека. В отличие от нашего исследования, выбор стран данным автором исходит из других соображений, не связанных с глобальным влиянием этих государств и даже не с особенностями политической системы в целом, а имеющих отношение исключительно к уровню политической свободы в этих странах. Следуя логике авторов, если в стране не обеспечиваются политические права человека, то автоматически не может быть речи о цифровых правах. Несколько иного подхода придерживается ООН: для обеспечения цифровых прав человека необязательно быть развитой демократией. Даже страны со смешанными политическими режимами могут демонстрировать успехи по обеспечению цифровых прав человека, для чего достаточно выполнение ряда показателей.

Таким образом, содержание научных трудов отражают консолидированную мысль о важности регулирования цифровых прав человека посредством разработки соответствующего законодательства, а также обеспечения информационной безопасности. Именно в этом и заключается сходство зарубежного подхода с отечественным подходом в исследуемой теме.

В Российской Федерации данной проблеме уделяют внимание также представители науки конституционного права. Так, председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин отмечает, что цифровые права человека возникают «в процессе конкретизации как на правотворческом уровне, так и на уровне правоприменения универсальных прав человека в области цифрового пространства» [13].

Необходимо выделить право пользования электронно-вычислительными и информационно-коммуникационными технологиями, которые используют в своем алгоритме работы выход в Интернет.

Проблема данного права заключается в отсутствие системности, что обуславливается незакрепленным статусом в действующем законодательстве. Именно это позволяет нам говорить о том, что уже сейчас возникают ситуации, при которых права пользователей могут быть ущемлены производителями, провайдерами, сотовыми операторами, мошеннической деятельностью. Также есть смысл здесь отметить право на неприкосновенность частной жизни, которое может рассматриваться с точки зрения права на неприкосновенность частной информации. В настоящее время, к сожалению, оно может нарушаться посредством массового распространения рекламы, спама и вредоносных программ.

Значительно количество научных работ сегодня наблюдается в области защиты интеллектуальных прав человека. Развитие цифровых технологий лишь обострило проблему нарушения авторских прав. Это относится как к традиционным объектам авторского права (произведения науки и искусства), так и к программному обеспечению [14].

Не менее интересным представляется право на создание и публикацию информации в цифровом пространстве, а также непосредственный доступ к ней. Право на информацию сегодня реализуется с помощью новых информационных технологий. Довольно продолжительное время цифровое пространство оставалось практически свободной от цензуры в самом широком значении этого слова. В последнее время государство стало уделять гораздо большее внимание проблеме ограничения свободы в виртуальном мире.

Цифровые права человека рассматривались изначально с позиции права на доступ к интернету. Это право рассматривается с 2-х точек зрения. Первая говорит о том, что приоритетом для реализации этого права является техническая инфраструктура. Вторая (политико-идеологическая) предполагает, что на первом месте должна быть свобода доступа к контенту Интернета. Право на доступ к Всемирной сети получило международное признание после доклада Совету по правам человека ООН в соответствии с Резолюцией 7/36 от 28 марта 2008 г. Однако один из «создателей Интернета» Винт Серф выступил против отнесения права на доступ Интернету к фундаментальным правам человека [15]. Другие

авторы соглашаются о том, что право на доступ к Всемирной сети – не самоцель, а средство обеспечения фундаментальных прав человека [16].

В России [17] за последние годы появляется всё больше правовых норм, регулирующих право на забвение, т.е. право требовать «удаления ссылок в поисковых системах, которые ведут на устаревшие, недостоверные, неточные сведения о человеке..., если такие ссылки причинили или могут причинить вред человеку» [18]. Оно относится к правам первого поколения – «право на уважение частной жизни человека» [18].

Что касается права на защиту персональных данных, то оно, скорее, является лишь одной из сторон фундаментального права на уважение частной жизни, что нашло отражение в европейском праве. Бурный рост ИКТ поднял проблему использования персональной информации, что ускорило развитие специального законодательства в этой сфере [19].

Конрад Беккер дает одно из наиболее широких определений: «цифровые права человека – это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации... Базисные цифровые права человека включают право доступа к электронной сети, право свободно общаться и выражать мнения в сети, и право на неприкосновенность частной сферы» [20].

Безусловно, был приведен далеко не полный список цифровых прав человека, а также актуальных проблем и препятствий, появляющихся в процессе цифровой трансформации общества. Законодательство разных стран дает разные определения цифровых прав человека. Вследствие данных различий дать общее определение цифровых прав человека не представляется возможным, поскольку оно будет максимально широким, но для сравнительного анализа в данном случае это и не обязательно. Мы будем сравнивать регулирование различных аспектов цифровых прав человека в трех странах по таким параметрам, как строгость цензуры, конфиденциальность, минимизация вмешательства в цифровые права граждан, доступ к Интернету, слежка, мониторинг активности граждан. Кроме того, будет проведено сравнение государств в отношении прав человека в цифровом пространстве по таким параметрам, как внутренняя политика, позиция на международной арене и позиция в отношении регулирования Интернета.

Материалы и результаты исследования: внутренняя политика и позиции государств на международной арене в области обеспечения цифровых прав человека на примере России, Германии и Китая

Россия

Расплывчатый характер виртуальных границ цифрового пространства не должны приводить к ошибочному выводу о полной невозможности правового регулирования отношений в данной среде. В 2021 г. был подготовлен Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве» [21]. За основу Доклада были взяты материалы проекта «Концепции защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации». В соответствии с Докладом, данная Концепция предлагает защитить человека от «цифровой дискриминации, социальных рейтингов и зависимости от цифровой среды» [21]. Документ предполагает «запрет на присвоение гражданину единого цифрового идентификатора» [21].

За последние годы во внутренней политике России в области обеспечения цифровых прав человека встречаются явные опасения и открытая критика как со стороны российского общества, так и международного сообщества. Все дело в ряде государственных инициатив, которые так или иначе ограничивают цифровые права граждан. Примером является «пакет Яровой» - законопроекты, принятые в 2016 г., расширившие полномочия правоохранительных органов и утвердившие новые требования к операторам связи, интернет-проектам и т.д.

В Российской Федерации также действуют организации по защите цифровых прав человека. Одной из таких организаций является «Центр защиты цифровых прав» [22]. Данная организация занимается защитой прав пользователей в Интернете и борьбой с Интернет-цензурой. Также борьбой с цензурой в Интернете занимается организация «Роскомсвобода»* (признана иностранным агентом в РФ) [23].

Стоит отметить организацию «Лига безопасного интернета» [24], которую с 2017 г. возглавляет Екатерина Мизулина. Одной из задач является «просвещение и развитие навыков медиаграмотности у детей и их

родителей». Деятельность организации направлена на выявление опасного контента на просторах Сети, а также на противодействие экстремизму.

Россия активно участвует в международных дискуссиях по защите цифровых прав человека, однако ее позиция зачастую вызывает критику со стороны правозащитных организаций. Россия, как и государства-члены ШОС и БРИКС, выступает по большей части за соблюдение национальной безопасности в цифровом пространстве, о чем свидетельствует соответствующая нормативно-правовая база. Позиция Российской Федерации заключается в ужесточении контроля над интернетом и цифровыми технологиями на международном уровне. Иными словами, мы имеем дело с поддержкой идеи государственного регулирования цифрового пространства.

Германия

Приступая к рассмотрению внутренней политики Германии в области обеспечения цифровых прав человека, стоит отметить исключительную роль принципов защиты частной жизни, свободы слова и информационной безопасности. Германия была выбрана не случайно в рамках настоящего исследования, поскольку данное государство является развитым европейским государством, характеризующимся сильным демократическим политическим режимом. Следовательно, Германия занимает активную позицию в разработке законодательства, которое обеспечивает равный доступ к Сети для всех граждан. При этом следует отметить, что исследуемое государство серьезно относится к защите персональных данных.

Как и все европейские государства – члены Европейского союза, Германия в вопросах защиты персональных данных основывается на документе «General Data Protection Regulation (GDPR)». Однако одним из ключевых законов в области цифровых прав человека является «Bundesdatenschutzgesetz (BDSG)» [25], или Федеральный закон о защите данных. Важно отметить, что BDSG является дополняющей законодательной единицей на территории Германии уже существующего в рамках Европейского союза GDPR. Данный закон регулирует сбор, хранение и использование личных данных граждан. Стоит отметить, что приведенный нормативно-правовой акт строго регулирует деятельность компаний и организаций, которые собирают и обрабатывают

персональные данные. В качестве важных дополнений к GDPR в BDSG можно выделить:

- 1) Более строгие требования к назначению на должность работников с персональными данными;
- 2) Запрет прямой передачи персональных данных, полученных без разрешения субъектов;
- 3) Право властей «осуществлять видеонаблюдение в общественных местах с целью охраны жизни и здоровья населения, а также в случаях, когда государственные интересы выше, чем право субъекта на охрану персональных данных» [25, автор. перевод].

Если отойти от периферии законодательства, где располагается защита персональных данных, как одна из разновидностей цифровых прав человека, то в основе развития правового регулирования Германии в области цифрового пространства лежит Зеленая книга [26]. Она является частью цифровой стратегии, которая была представлена в 2016 г. Федеральным министерством экономики и энергии. Основная задача Зеленой книги состоит в том, чтобы определить и структурировать ключевые правовые вопросы и пробелы, возникающие в процессе цифровой трансформации. Поскольку Германия является примером европейского государства с ведущей экономикой, то и стратегия в полной мере отражает пути развития цифровой экономики [27].

В Германии активно осуществляют деятельность организации по борьбе с цифровым экстремизмом и дезинформацией в Сети. В первую очередь хотелось бы упомянуть некоммерческую организацию NOYB (None of Your Business) – European Center for Digital Rights [28], штаб-квартира которой находится в Австрии. Данная организация использует в своей деятельности передовой опыт в области защиты цифровых прав. С помощью многочисленных возможностей правоприменения в соответствии с Европейским регламентом по защите данных (GDPR), NOYB имеет возможность подавать жалобы на защиту персональных данных в судебные инстанции. Совместно с BfDi (Bundesbeauftragter für den Datenschutz und die Informationsfreiheit) [29] (Федеральный уполномоченный орган по защите данных и свободе информации в Германии) ведется статистика по судебным делам, повестками которых являются правонарушения в области цифровых прав человека.

Проанализировав представленную статистику на вышеуказанных ресурсах, можно сказать о низком количестве исковых заявлений (на момент написания работы было представлено 2 иска, последний из которых имел двухлетнюю давность) [30]. Возможно, это может свидетельствовать о крайне редких случаях нарушения прав человека в сфере персональных данных. Также это может свидетельствовать о малограмотности населения в области цифровых прав.

Не менее интересной нам показалась некоммерческая организация Digitale Gesellschaft [31]. С 2011 г. ассоциация выступает за устойчивое, демократическое, свободное общество. Цель организации – защищать основные права человек в мире цифрового пространства. Ассоциация информирует и проводит консультации отдельных лиц и учреждений по вопросам права в цифровом пространстве. Несомненно, деятельность организации основывается на соблюдении общих прав человека, а также требует их соблюдение в цифровом пространстве. Более того, данная организация разработала собственную Хартию основных цифровых прав [32]. Этот ресурс интересен с точки зрения разделения на блоки цифровых прав: основные права, гражданские права и потребительские права человека.

Первый блок (основные права человека) включает в себя равенство и свободу в Интернете, защиту цифровых прав человека государством, свободу мнений, конфиденциальность и безопасность информации.

Второй блок (гражданские права человека) включает в себя принцип публичности, электронное правительство и цифровую демократию, направленные на реализацию гражданской позиции в рамках цифрового пространства.

Заключительный блок прав направлен на достижение социальных целей. Он гарантирует, что каждый человек может иметь равный доступ к информационным и коммуникационным технологиям, а также получать необходимое программное обеспечение. Более того, каждый человек может осуществлять в полной мере свое право на образование при помощи цифровых технологий, а также создавать новый контент, привнося лепту в развитие науки и культуры государства.

Стоит отметить, что Германия активно принимает участие в международных инициативах по цифровой безопасности и защите данных.

Доказательством может служить поддержка Европейского союза по усилению законодательной базы о защите персональных данных и приватности граждан в Сети [10]. Это также подтверждается активным использованием «General Data Protection Regulation» в практике обеспечения защиты персональных данных, а также разработкой своего собственного национального законодательства на основе GDPR.

Кроме того, Германия выступает за принцип прозрачности деятельности правительства в цифровом пространстве. Государство активно борется с цензурой в онлайн-среде, а также поддерживает свободное выражение мнений в Сети [9]. Несомненно, не стоит заявлять о полном отсутствии цензуры в цифровом пространстве, поскольку все зависит от международных процессов и внутривнутриполитических факторов, которые заставляют принимать меры для устранения социальной напряженности [33].

Китай

Китайская Народная Республика (КНР) является уникальным примером как внутренней, так и внешней политики не только в вопросах обеспечения цифровых прав человека. Как отмечают исследователи, Китай является социалистическим государством со своей собственной спецификой, чем и отличается от стран западного мира с преимущественно демократическими устоями. Данное государство имеет одну из самых строгих систем мониторинга и цензуры Интернета – проект «Золотой щит», известный во всем мире как «The Great Firewall of China». Проект «Золотой щит» подразумевает уникальную систему фильтрации Всемирной Сети, что характеризует сильное государственное регулирование цифрового пространства [34]. Следовательно, в Китае в области защиты цифровых прав человека существует ряд серьезных ограничений и контроля со стороны правительства.

Обращаясь к Конституции Китайской Народной Республики, мы смогли увидеть моменты, которые напрямую относятся к цифровым правам человека. Так, например, ст. 40 Конституции КНР гласит, что «свобода и тайна переписки граждан охраняется законом» [35, автор. перевод]. Здесь же подчеркивается, что «никакие организации или частные лица ни под каким предлогом не могут препятствовать свободе и тайне

переписки граждан» [35, автор. перевод]. Однако затем дается разъяснение: «... за исключением случаев, когда в интересах государственной безопасности или целях расследования уголовного преступления органы общественной безопасности или органы прокуратуры в порядке, установленном законом, осуществляют проверку переписки». [35, автор. перевод].

В Китае, как и в России и Германии, принят закон о безопасности данных 2021 г. [36]. Согласно закону, государство обязано защищать права и интересы отдельных лиц и организаций, а также поощрять разумное и эффективное использование данных. Нормативно-правовой акт также предусматривает возможность жалоб от граждан. Данный нормативно-правовой акт интересен с позиции разработанности штрафных санкций. В документе четко обозначены ответственные органы и прописаны последствия, наступающие в случае нарушений настоящего законодательства.

В Китае также действует свой закон о персональных данных – Закон о защите личной информации [37]. Личная информация, согласно законодательству, признается таковой, если прошла идентификацию. Иными словами, анонимная информация не является личной и, следовательно, не подлежит защите. Сбор персональной информации должен быть минимальным. Государство в праве самостоятельно устанавливать тот самый минимум объема собираемой и обрабатываемой информации (статья 11 Закона Китая о защите личной информации). Данное уточнение является отличным инструментом в регулировании сбора информации о людях крупнейшими сетевыми корпорациями. Закон устанавливает принципы открытости обработки данных, которые раскрывают цели, способы и объемы обрабатываемой информации. Никакая организация или физическое лицо не должно незаконно «собирать, использовать, обрабатывать и передавать информацию другим лицам» [37, автор. перевод]. Также законом преследуется всякая попытка продажи персональных данных. Другими словами, на первый план выходит национальная безопасность и безопасность политического строя.

Во всем мире известна китайская практика социального кредита, отражающая социальный рейтинг каждого гражданина КНР. Каждый поступок или действие человека в обществе анализируется. В зависимости от

характера действий человек может приобрести либо потерять баллы социального кредита. Законопослушный гражданин имеет право на ряд привилегий: скидки и льготы, низкие ставки по кредиту от государства и многое другое. Данная система является частью проекта «Золотой щит» [38].

В цифровом пространстве Китая существует ряд государственных инициатив, позволяющих отслеживать социальный рейтинг пользователей. Так, например, 27 июня 2022 г. Управление киберпространством Китая выпустило «Административные положения об учетной записи пользователя в Интернете» [39]. Стоит отметить, что данная государственная инициатива применяется не только к обычным пользователям, регистрирующим онлайн-аккаунты в Китае, но и к интернет-провайдерам, которые управляют информацией об учетных записях пользователей.

Правительство КНР всячески пытается обезопасить общество, внедряя различные приемы наблюдения за социальным рейтингом своих граждан. Верифицированная информация о пользователях в Сети дает возможность присвоить информации статус «личной», что упрощает вопросы, связанные с защитой и контролем персональных данных со стороны государства [40].

Это обстоятельство является одной из причин того, что деятельность некоммерческих организаций по защите цифровых прав человека незначительна или отсутствует вовсе.

На международной арене Китай выступает за принятие международных стандартов обеспечения цифровых прав человека, а также в содействии международному сотрудничеству. Однако одновременно с этим Китай лоббирует отмену международных правовых норм, гарантирующих Интернету открытость и общедоступность, за что и критикуется со стороны международного сообщества. Подобные обвинения со стороны стран Запада звучали в отношении инициативы КНР в Международном Союзе Электросвязи по стандартам Интернет-протоколов, которая, как полагали западные страны, выгодны авторитарным режимам, так как позволяют контролировать Интернет-трафик.

Дискуссия: национальные модели государственного регулирования цифровых прав человека

Исследование национальных моделей государственного регулирования цифровых прав человека на примере России, Германии и Китая является наиболее актуальной темой в рамках цифровой трансформации мира. Как мы уже убедились ранее, каждое из этих государств имеет свои уникальные подходы (с присущими им преимуществами и недостатками) к поиску баланса между обеспечением цифровых прав человека и национальной безопасности.

Стоит отметить, России представляет собой уникальный пример смешанной модели государственного регулирования в плане защиты цифровых прав человека. С одной стороны, имеется ряд ограничений, фильтрация доступа к Интернет-ресурсам и социальным сетям, а также массовое наблюдение за гражданами в общественном транспорте, государственных учреждениях, торгово-развлекательных центрах и т.д. Данные меры направлены на поддержание стабильности и контроль над информацией с целью обеспечения безопасности [41]. С другой стороны, в Российской Федерации присутствуют элементы либерального подхода к цифровому управлению. Данное обстоятельство отражается в законодательных инициативах, которые направлены на защиту цифровых прав граждан, таких как законодательство о персональных данных и правила о свободе слова и выражения мысли. Более того, государство предпринимает все доступные меры для развития цифровой инфраструктуры и содействия цифровой экономике, инвестируя колоссальный объем денежных средств в указанные сферы [42].

Одной из теорий, которая могла бы использоваться для определения модели государственного регулирования в области защиты цифровых прав человека в Германии, является теория либерализма. Согласно либеральной теории права, основной целью государства является защита индивидуальных свобод и свобод граждан, что логически объясняет включение права в цифровом пространстве в рамки рассматриваемой теории. Государство, в свою очередь, исполняет роль регулятора, который защищает цифровые права граждан, обеспечивая доступ к информации, защищая от цензуры и гарантируя приватность в цифровом пространстве

[43]. Данный подход способствует развитию цифровой демократии, а также обеспечивает гражданам возможность активного участия в жизни общества с помощью цифровых технологий.

Китайская Народная Республика может быть ассоциирована с моделью государства, в котором имеется тотальный контроль над цифровыми правами, использующийся для поддержания безопасности. Не трудно догадаться, что в Китае преобладает модель цифрового авторитаризма, характеризующаяся высокой степенью централизации власти, а также строгим контролем над интернетом, а также цифровыми технологиями. Основные принципы рассматриваемой модели можно увидеть в концепции киберсуверенитета [44]. Она подразумевает, что интернет в Китае должен находиться под строгим контролем и управлением со стороны государства. Такие авторы, как Чжан Шу, подчеркивают важность и необходимость государственного регулирования и контроля для обеспечения национальной безопасности и стабильности в китайском обществе [45].

Для наглядности были составлены Таблицы 1 и 2, которые содержат авторскую типологию моделей государственного регулирования цифровых прав человека в России, Германии и Китае.

Таблица 1

Основные характеристики государств в отношении прав человека
в цифровом пространстве

Государство	Внутренняя политика	Позиция на международной арене	Позиция в отношении регулирования Интернета
Россия	Акцент на государственных инициативах в сфере цифровых прав и свобод	Активно выступает за ужесточение контроля над интернетом и цифровыми технологиями на международном уровне	Идея государственного регулирования Интернета
Германия	Личная свобода и право на конфиденциальность	Принимает активное участие в международных инициативах по созданию стандартов защиты цифровых прав человека	Идея ограничения правительственных полномочий в сфере контроля цифрового пространства
Китай	Строгий контроль и цензура в Интернете	Активно принимает участие в международных дискуссиях о цифровых правах человека	Государственное регулирование Интернета во имя национальной безопасности

Источник: таблица составлена авторами

Таблица 2

Типология моделей государственного регулирования
цифровых прав человека в России, Германии и Китае

	Строгая цензура	Конфиден- циальность	Минимизация вмешательства в цифровые права граждан	Широкий и равный доступ к Интернету	Слежка, мониторинг активности граждан	Тип национальной модели
Россия	+/-	+/-	+/-	+	+/-	Смешанный
Германия	-	+	+	+	-	Либеральный
Китай	+	-	-	-	+	Авторитарный

Источник: таблица составлена авторами

Заключение

Российская Федерация представляет собой пример смешанной модели государственного регулирования, следуя анализу таким параметров, как строгость цензуры, конфиденциальность, минимизация вмешательства в цифровые права граждан, доступ к Интернету, слежка, мониторинг активности граждан. Во внешней и внутренней политике России прослеживается приверженность к идеям государственного регулирования Интернета. В случае с Германией удалось определить либеральную модель государственного регулирования вопросов, связанных с цифровыми правами человека. КНР использует государственные инициативы зачастую для обеспечения собственных интересов. Несмотря на активное участие Китая в международном диалоге по вопросам прав человека в цифровом пространстве, внутренняя политика направлена на строгий контроль со стороны правительства. Именно это является решающим обстоятельством в определении модели государственного регулирования Китая как авторитарной. Существование «суверенного интернета» и систем слежения за людьми на территории Китая определяет главенствующую роль государственного регулирования прав человека в цифровом пространстве.

В современных реалиях подходы к исследуемому вопросу разительно отличаются в разных государствах. Более того, многие инициативы национального и международного характера до сих пор находятся на стадии развития и обсуждения. Возможными дальнейшими направлениями исследования могут быть анализ практики применения законодательства в сфере цифровых прав человека, а также поиск общих

закономерностей в развитии регулирования цифровых прав и выявление соответствующих корреляций (например, зависимость государственного регулирования цифровых прав от политического режима, экономической системы и текущей экономической ситуации и т. д.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мочалов А.Н., Колобаева Н.Е., Несмеянова С.Э. Право на доступ в интернет: юридическое содержание и механизм реализации // *Антиномии*. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 135–163.
2. Herden, C.J., Alliu, E., Cakici, A., et al. Corporate Digital Responsibility // *NachhaltigkeitsManagementForum*. 2021. Vol. 29. P. 13–29.
3. Arbeláez Villegas, L.C. The contradictory relationship between security and human rights // *Revista Criminalidad*. 2023. Vol. 65. № 2. P. 145–158.
4. Кравчук Н.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам, затрагивающим использование новых технологий (обзор) // *Государство и право в новой информационной реальности*. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 184–195.
5. Чернышова Ю.А. Права человека в условиях цифровизации общества // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 4. С. 90–102.
6. Алферова Е.В. Защита прав человека в Интернете // *Государство и право в новой информационной реальности*. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 143–157.
7. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14. № 4. С. 9–46.
8. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146.
9. Busch, A., Theiner, P., Breindl, Y. Internet censorship in liberal democracies: Learning from autocracies? // *Managing democracy in the digital age: Internet regulation, social media use, and online civic engagement*. Cham: Springer, 2018. P. 11–28.
10. Hornuf, L., Mangold, S., Yang, Y. Data Protection Law in Germany, the United States, and China // *Data Privacy and Crowdsourcing: A Comparison of Selected Problems in China, Germany and the United States*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 19–79.
11. Youvan, D. Navigating Digital Sovereignty: A Comparative Analysis of Internet Regulation in Russia and China. 2024. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17328.53764>.
12. Barbesino, K. Treatment and Evolution of Digital Rights: A Comparative Analysis of China, Russia, the United States, and Germany. Rollins College, Winter Park, Florida, 2019. [эл. доступ]. URL: <https://scholarship.rollins.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1104&context=honors> (дата обращения: 31.07.2024).
13. Зорькин В.Д. Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан. 29.05.2018 // Интернет-портал «Российской газеты»: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 01.04.2023).
14. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Правовой сайт КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.04.2023).

15. Отец Интернета отказался признать право на доступ в Сеть. 08.01.2012 // Онлайн бизнес-журнал FinanceTimes: [сайт]. URL: <https://finance-times.ru/justice/121/12221.html> (дата обращения 21.04.2023).
16. Tomalty, J. Is There a Human Right to Internet Access? // Philosophy Now. 2017. Iss. 118. P. 6–8.
17. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.07.2015 N 264-ФЗ (последняя редакция) // Правовой сайт КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (дата обращения: 22.04.2023).
18. Егоркин С. Право на забвение? 12.06.2015 // Закон.ру: [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2015/6/12/pravo_na_zabvenie (дата обращения 23.04.2023).
19. Determann, L. Privacy and Data Protection // Moscow Journal of International Law. 2019. № 1. P. 18–26.
20. Беккер К. Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль. СПб: Букинистика, 2004. [эл. доступ]. URL: <https://www.rulit.me/books/slovar-takticheskoy-realnosti-kulturnaya-intelligenciya-i-socialnyj-kontrol-read-59402-21.html> (дата обращения 23.04.2023).
21. Доклад Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве». Москва, 2021. [эл. доступ]. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 28.02.2024).
22. Официальный сайт DRC (Digital Rights Center): [сайт]. URL: <https://drc.law/uslugi/> (дата обращения 05.03.2024).
23. Официальный сайт «Роскомсвобода»*: [сайт]. URL: <https://roskomsvoboda.org/ru/?ysclid=lu8kd1bmd6894151987> (дата обращения: 05.03.2024).
24. Официальный сайт «Лига безопасного интернета»: [сайт]. URL: <https://ligainternet.ru/?ysclid=lu8kzkk4ap598716344> (дата обращения: 07.03.2024).
25. Bundesdatenschutzgesetz vom 30. Juni 2017 (BGBl. I S. 2097), das zuletzt durch Artikel 10 des Gesetzes vom 22. Dezember 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 414) geändert worden ist. // Bundesamt für Justiz: [сайт]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bdsg_2018/BJNR209710017.html#BJNR209710017BJNG000100000 (дата обращения: 14.03.2023).
26. Grünbuch: Digitale Plattformen // Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz: [сайт]. URL: <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/gruenbuch-digitale-plattformen.pdf> (дата обращения: 15.03.2024).
27. Берман А.М. Правовое регулирование использования цифровых технологий в Германии и Евросоюзе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2021. Т. 13. № 4. С. 127–137.
28. NOYB – European Centre for Digital Rights: [сайт]. URL: <https://noyb.eu/en/our-detailed-concept> (дата обращения: 15.03.2024).
29. BfDi – Bundesbeauftragter für den Datenschutz und die Informationsfreiheit: [сайт]. URL: https://www.bfdi.bund.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 16.03.2024).

* Признан иностранным агентом на территории Российской Федерации.

30. Statistics of complaints about the GDP from NOIB together with BfDi // NOYB: [сайт]. URL: <https://noyb.eu/en/project/dpa/bfdi-germany> (дата обращения: 16.03.2024).
31. Digitale Gesellschaft. Über Uns: [сайт]. URL: <https://www.digitale-gesellschaft.ch/uber-uns/> (дата обращения 17.03.2024).
32. Eine Charta für Digitale Grundrechte. 04.12.2019 // Digitale Gesellschaft: [сайт]. URL: <https://www.digitale-gesellschaft.ch/2019/12/04/eine-charta-fuer-digitale-grundrechte-wofuer-wir-einstehen/> (дата обращения: 18.03.2024).
33. Tworek, H.J.S. Fighting Hate with Speech Law: Media and German Visions of Democracy // *The Journal of Holocaust Research*. 2021. Vol. 35. Iss. 2. P. 106–122.
34. Подшибякина Т.А. «Золотой щит» Китая: политика управления мнемоническими интернет-практиками // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2020. Т. 22. № 2. С. 194–204.
35. Constitution of the People's Republic of China. 20.11.2019 // The State Council the People's Republic of China: [сайт]. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (дата обращения: 24.03.2024).
36. Data Security Law of the PRC. 10.06.2021 // China Law Translate: [сайт]. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/datasecuritylaw/> (дата обращения: 24.03.2024).
37. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. 29.12.2021 // The National People's Congress of the People's Republic of China: [сайт]. URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (дата обращения: 26.03.2024).
38. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // *Власть*. 2020. № 2. С. 250–259.
39. Administrative Provisions on Internet User Account Information (2022) // *China Justice Observer*: [сайт]. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-provisions-on-internet-user-account-information-20220609> (дата обращения 27.03.2024).
40. Talmacs, N., Peng, A.Y. (Eds.). *Communications in Contemporary China: Orchestrating Thinking* (1st ed.). London. Routledge, 2023. 208 p.
41. Howells, L., Henry L.A. Varieties of digital authoritarianism: Analyzing Russia's approach to Internet governance // *Communist and Post-Communist Studies*. 2021. Vol. 54. Iss. 4. P. 1–27.
42. Filipchenko, A.M., Denisova, N.A., Kovnerev, M.A. Scenario Analysis of the Development of the Russian Digital Economy Until 2025 // Buchaev, Y.G., Abdulkadyrov, A.S., Ragulina, J.V., Khachaturyan, A.A., Popkova, E.G. (eds) *Challenges of the Modern Economy. Advances in Science, Technology & Innovation*. Springer, Cham, 2023. P. 11–15. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_3.
43. Hüscher, P.K. State sovereignty in the 21st century: low-intensity cyber operations and the principles of sovereignty and non-intervention // University of Glasgow, 2023. [эл. доступ]. URL: <https://theses.gla.ac.uk/83668/> (дата обращения: 08.04.2024).
44. Михалевич Е.А. Концепция киберсуверенитета Китайской Народной Республики: история развития и сущность // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23. № 2. С. 254–264.
45. Zhang, S., Li, F., Xiao, J.J. Internet penetration and consumption inequality in China // *International Journal of Consumer Studies*. 2020. Vol. 44. Iss. 5. P. 407–422.

REFERENCES

1. Mochalov A.N., Kolobayeva N.Ye., Nesmeyanova S.E. Pravo na dostup v internet: yuridicheskoye sodержaniye i mekhanizm realizatsii [The right to access the Internet: legal content and implementation mechanism]. *Antinomii*. 2021. Vol. 21, Iss. 4. P. 135–163. (In Russian).
2. Herden, C.J., Alliu, E., Cakici, A., et al. Corporate Digital Responsibility. *NachhaltigkeitsManagementForum*. 2021. Vol. 29. P. 13–29.
3. Arbeláez Villegas, L.C. The contradictory relationship between security and human rights. *Revista Criminalidad*. 2023. Vol. 65. № 2. P. 145–158.
4. Kravchuk N.V. Praktika Yevropeyskogo suda po pravam cheloveka po delam, zatragivayushchim ispolzovaniye novykh tekhnologiy (obzor) [The practice of the European Court of Human Rights in cases concerning the use of new technologies (review)]. *Gosudarstvo i pravo v novoy informatsionnoy realnosti*. Moscow: INION RAN, 2018. P. 184–195. (In Russian).
5. Chernyshova, Yu.A. Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Human rights in the context of digitalization of society]. *Psikhologiya i pravo*. 2019. Vol. 9. № 4. P. 90–102. (In Russian).
6. Alferova Ye.V. Zashchita prav cheloveka v Internete [Protecting Human Rights on the Internet]. *Gosudarstvo i pravo v novoy informatsionnoy realnosti*. Moscow: INION RAN, 2018. P. 143–157. (In Russian).
7. Varlamova N.V. Tsifrovyye prava – novoye pokoleniye prav cheloveka? [Digital Rights – A New Generation of Human Rights?]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2019. Vol. 14. № 4. P. 9–46. (In Russian).
8. Talapina E.V. Evolyutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu [The evolution of human rights in the digital age]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2019. Vol. 14. № 3. P. 122–146. (In Russian).
9. Busch, A., Theiner, P., Breindl, Y. Internet censorship in liberal democracies: Learning from autocracies? *Managing democracy in the digital age: Internet regulation, social media use, and online civic engagement*. Cham: Springer, 2018. P. 11–28.
10. Hornuf, L., Mangold, S., Yang, Y. Data Protection Law in Germany, the United States, and China. *Data Privacy and Crowdsourcing: A Comparison of Selected Problems in China, Germany and the United States*. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. P. 19–79.
11. Youvan, D. Navigating Digital Sovereignty: A Comparative Analysis of Internet Regulation in Russia and China. 2024. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.17328.53764>.
12. Barbesino, K. Treatment and Evolution of Digital Rights: A Comparative Analysis of China, Russia, the United States, and Germany. Rollins College, Winter Park, Florida, 2019. Available at <https://scholarship.rollins.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1104&context=honors> (accessed: 31.07.2024).
13. Zorkin V.D. Zadacha gosudarstva – priznavat' i zashchishhat' cifrovyye prava grazhdan [The task of the state is to recognize and protect the digital rights of citizens]. 29.05.2018. *Internet-portal «Rossijskoj gazety»*. Available at <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyye-prava-grazhdan.html> (accessed: 01.04.2023). (In Russian).
14. Federal'nyj zakon «Ob informacii, informacionnyh tekhnologijah i o zashchite informacii» ot 27.07.2006 № 149-FZ (red. ot 18.03.2019) [Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on March 18, 2019)]. *Pravovoj sajt KonsultantPlyus*. Available at

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: 05.04.2023). (In Russian).
15. Otets Interneta otkazalsya priznat pravo na dostup v Set [The Father of the Internet Refused to Recognize the Right to Access the Web]. 08.01.2012. *Onlajn biznes-zhurnal FinanceTimes*. Available at <https://finance-times.ru/justice/121/12221.html> (accessed 21.04.2023). (In Russian).
16. Tomalty, J. Is There a Human Right to Internet Access? // *Philosophy Now*. 2017. Iss. 118. P. 6–8.
17. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii" i stat'i 29 i 402 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 13.07.2015 N 264-FZ (poslednjaja redakcija) [Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" and Articles 29 and 402 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated 13.07.2015 N 264-FZ (latest revision)]. *Pravovoj sajt KonsultantPlyus*. Available at https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182637/ (accessed: 22.04.2023). (In Russian).
18. Yegorkin S. Pravo na zabvenije? [Right to be forgotten?]. 12.06.2015. *Zakon.ru*. Available at https://zakon.ru/blog/2015/6/12/pravo_na_zabvenie (accessed 23.04.2023). (In Russian).
19. Determann, L. Privacy and Data Protection. *Moscow Journal of International Law*. 2019. № 1. P. 18–26.
20. Bekker K. Slovar takticheskoy realnosti: Kulturnaya intelligentsiya i sotsialnyy control [Dictionary of Tactical Reality: Cultural Intelligentsia and Social Control]. St Petersburg: Bukinistika, 2004. Available at <https://www.rulit.me/books/slovar-takticheskoy-realnosti-kulturnaya-intelligenciya-i-socialnyj-kontrol-read-59402-21.html> (accessed 23.04.2023). (In Russian).
21. Doklad Soveta pri Prezidente Rossiyskoj Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka «Tsifrovaya transformatsiya i zashchita prav grazhdan v tsifrovom prostranstve» [The Council of the President of the Russian Federation on the Development of Civil Society and Human Rights "Digital Transformation and Protection of Civil Rights in Digital Transformation"]. Moskva, 2021. Available at <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (accessed: 28.02.2024). (In Russian).
22. Official website of DRC (Digital Rights Center). Available at <https://drc.law/uslugi/> (accessed 05.03.2024).
23. Oficial'nyj sajt «Roskomsvoboda» [Official website of Roskomsvoboda]. Available at <https://roskomsvoboda.org/ru/?ysclid=lu8kd1bmd6894151987> (accessed: 05.03.2024). (In Russian). * *Recognized as foreign agent in Russia*.
24. Oficial'nyj sajt «Liga bezopasnogo interneta» [Official website of the "Safe Internet League"]. Available at <https://ligainternet.ru/?ysclid=lu8kzkk4ap598716344> (accessed: 07.03.2024). (In Russian).
25. «Bundesdatenschutzgesetz vom 30. Juni 2017 (BGBl. I S. 2097), das zuletzt durch Artikel 10 des Gesetzes vom 22. Dezember 2023 (BGBl. 2023 I Nr. 414) geändert worden ist» [Federal Data Protection Act of 30 June 2017 (Federal Law Gazette I p. 2097), last amended by Article 10 of the Act of 22 December 2023 (Federal Law Gazette 2023 I No. 414)]. *Bundesamt für Justiz*. URL: <https://www.gesetze-im->

internet.de/bdsg_2018/BJNR209710017.html#BJNR209710017BJNG000100000
(accessed: 14.03.2023). (In German).

26. Grünbuch: Digitale Plattformen [Green Paper: Digital Platforms]. *Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz*. Available at <https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Digitale-Welt/gruenbuch-digitale-plattformen.pdf> (accessed: 15.03.2024). (In German).

27. Berman A.M. Pravovoye regulirovaniye ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v Germanii i Yevrosoyuze [Legal regulation of the use of digital technologies in Germany and the European Union]. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2021. T. 13. № 4. P. 127–137. (In Russian).

28. NOYB – European Centre for Digital Rights. Available at <https://noyb.eu/en/our-detailed-concept> (accessed: 15.03.2024).

29. BfDi – Bundesbeauftragter für den Datenschutz und die Informationsfreiheit [BfDi – Federal Commissioner for Data Protection and Freedom of Information in Germany]. Available at https://www.bfdi.bund.de/DE/Home/home_node.html (accessed: 16.03.2024). (In German).

30. Statistics of complaints about the GDP from NOIB together with BfDi. *NOYB*. Available at <https://noyb.eu/en/project/dpa/bfdi-germany> (accessed: 16.03.2024).

31. Digitale Gesellschaft. Über Uns [Digital Society. About Us]. Available at <https://www.digitale-gesellschaft.ch/uber-uns/> (accessed 17.03.2024). (In German).

32. Eine Charta für Digitale Grundrechte [A Charter for Digital Fundamental Rights]. Available at <https://www.digitale-gesellschaft.ch/2019/12/04/eine-charta-fuer-digitale-grundrechte-wofuer-wir-einstehen/> (accessed: 18.03.2024).

33. Tworek, H.J.S. Fighting Hate with Speech Law: Media and German Visions of Democracy. *The Journal of Holocaust Research*. 2021. Vol. 35. Iss. 2. P. 106–122.

34. Podshibyakina T.A. «Zolotoy shchit» Kitaya: politika upravleniya mnemonicheskimi internet-praktikami [China's Golden Shield: Policy for Managing Mnemonic Internet Practices]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2020. Vol. 22. № 2. P. 194–204. (In Russian).

35. Constitution of the People's Republic of China. 20.11.2019. *The State Council the People's Republic of China*. Available at https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html (accessed: 24.03.2024).

36. Data Security Law of the PRC. 10.06.2021. *China Law Translate*. Available at <https://www.chinalawtranslate.com/en/datasecuritylaw/> (accessed: 24.03.2024).

37. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. 29.12.2021. *The National People's Congress of the People's Republic of China*. Available at http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021-12/29/c_694559.htm (accessed: 26.03.2024).

38. Grafov D.B. Sistema sotsialnogo reytinga v KNR kak informatsionno-kommunikatsionnaya tekhnologiya pooshchreniya i nakazaniya [The Social Rating System in China as an Information and Communication Technology of Reward and Punishment]. *Vlast*. 2020. № 2. P. 250–259. (In Russian).

39. Administrative Provisions on Internet User Account Information (2022). *China Justice Observer*. Available at <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-provisions-on-internet-user-account-information-20220609> (дата обращения 27.03.2024).

40. Talmacs, N., Peng, A.Y. (Eds.). *Communications in Contemporary China: Orchestrating Thinking* (1st ed.). London. Routledge, 2023. 208 p.
41. Howells, L., Henry L.A. Varieties of digital authoritarianism: Analyzing Russia's approach to Internet governance. *Communist and Post-Communist Studies*. 2021. Vol. 54. Iss. 4. P. 1–27.
42. Filipchenko, A.M., Denisova, N.A., Kovnerev, M.A. Scenario Analysis of the Development of the Russian Digital Economy Until 2025. Buchaev, Y.G., Abdulkadyrov, A.S., Ragulina, J.V., Khachatryan, A.A., Popkova, E.G. (eds) *Challenges of the Modern Economy. Advances in Science, Technology & Innovation*. Springer, Cham, 2023. P. 11–15. https://doi.org/10.1007/978-3-031-29364-1_3.
43. Hüscher, P.K. State sovereignty in the 21st century: low-intensity cyber operations and the principles of sovereignty and non-intervention. *University of Glasgow*. 2023. Available at <https://theses.gla.ac.uk/83668/> (accessed: 08.04.2024).
44. Mikhalevich Ye.A. Kontseptsiya kibersuvereniteta Kitayskoy Narodnoy Respubliki: istoriya razvitiya i sushchnost [The Concept of Cyber-Sovereignty of the People's Republic of China: History of Development and Essence]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2021. Vol. 23. № 2. P. 254–264. (In Russian).
45. Zhang, S., Li, F., Xiao, J.J. Internet penetration and consumption inequality in China. *International Journal of Consumer Studies*. 2020. Vol. 44. Iss. 5. P. 407–422.

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики. Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072.

Еременков Александр Алексеевич – выпускник магистратуры. Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: st007794@spbu.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics. Saint Petersburg State University.
E-mail: rbolgov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4663-8072.

Eremenkov Alexander A. – Master's degree graduate. Saint Petersburg State University.
E-mail: st007794@spbu.ru.

Authors declare no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2024. Одобрена после рецензирования 08.08.2024. Принята 11.08.2024.
Received 08.07.2024. Approved after reviewing 08.08.2024. Accepted 11.08.2024.*